
КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

РЕВОЛЮЦИОННОСТЬ И СИМФОНИЗМ: БЕТХОВЕН ГЛАЗАМИ ЛУНАЧАРСКОГО

REVOLUTIONARY AND SYMPHONY: BEETHOVEN THROUGH THE EYES OF LUNACHARSKY

Е.Э. Комарова, Д.Н. Чмырева

E.E. Komarova, D.N. Chmyreva

В статье рассматривается оценка, данная музыке Бетховена первым наркомом просвещения революционной России А. Луначарским. Критически анализируются высказывания Луначарского о тождестве революции и музыки, революции и симфонии.

The article discusses the assessment of the music of Beethoven's first Commissar of education in revolutionary Russia by A. Lunacharsky. Critical analysis of statements by Lunacharsky on the identity of the revolution and music revolution and Symphony.

Ключевые слова: музыкальные темы, революция, симфония, музыкант бетховенского типа.

Keywords: musical themes, revolution, Symphony, musician Beethoven type.

В постреволюционной России самым исполняемым и изучаемым, из всех классиков, был Бетховен. И не случайно, ведь многие искусствоведы видели связь между его творческим наследием и революцией. Бетховен на протяжении XIX и начала XX веков считался первым композитором, который заслужил звания революционера, потому что он изменил отношение к прослушиванию музыки. Она перестала нежить слух и успокаивать богачей. Музыка Бетховена заставляла думать, сопереживать, потрясала души. «По значительности идей, силе эмоционального воздействия, индивидуальности содержания бет-

ховенские произведения возвышаются над всей инструментальной культурой XVIII века» [1, с. 57].

Эстафета под название «Великая французская революция» преодолела границы Франции уже в XIX веке. Её настроения нашли отклик в Германии, Польше, Италии, Англии и даже в России. Разрушение старых форм в связи с новым содержанием ярче всего отразилось в поэзии Вольфганга Гете. Его творение «Фауст», например, пропитано диалектическим духом. В музыкальном искусстве бунтарские нотки звучали уже в «Дон Жуане» Моцарта. Но только в музыке Бетховена дух Великой Французской революции находит своё истинное выражение. Бетховен – строитель монументальных симфонических концепций, устремляющихся к вершинам человеческого духа, «от страданий – к радости». В своих Третьей, Пятой и Девятой симфониях он создает ёмкие, рельефные, содержащие волевою устремлённость мелодии, которые нередко опираются на героические интонации музыки французской революции.

Музыка Бетховена заражала массы слушателей страстным революционным пафосом, упорным противлением насилию, бурным темпераментом борца за свободу. На момент утверждения победы одного из крупнейших политических событий XX века, то есть Октябрьской революции, советской России был необходим композитор, чья музыка была бы не только близка, но и отражала все стремления новой власти. Величие, мощь, патетика, гражданственность, желание преобразовать мир, сделать его справедливым – все эти мысли и чувства, волновавшие композитора, были близки и понятны передовой, революционно настроенной русской интеллигенции.

Многие критики, искусствоведы того революционного времени обращались к личности Бетховена одни ругали его за чрезмерный оптимизм в своих сочинениях (например, французский писатель, критик и публицист Сюарес), а другие опровергали эту точку зрения. Наиболее компетентный и при этом выдержанный в духе новой, советской идеологии взгляд в своих статьях о Бетховене выразил А.В. Луначарский (1875 – 1933). Этот революционер, советский государственный деятель, писатель, публицист, критик, искусствовед был нар-

комом просвещения. Он после Октябрьской революции не только вошёл в сформированное II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов правительство, но и активно выступал в печати, вел симфонические концерты и всячески отстаивал сохранение исторического и культурного наследия.

Тезис о том, что наследие Бетховена должно служить образцом при построении новой, социалистической музыкальной культуры, что новая действительность должна привести к появлению музыкантов именно бетховенского типа проходит в работах Луначарского красной нитью. В статье «Моим оппонентам» (1920), выступая с критикой футуризма, обращаясь с призывом к советским художникам и поэтам Луначарский утверждал, что только «после отказа от скороспелой рутины начнут вырастать формы глубоко своеобразные и такие же полные и убедительные как у Бетховена» [2, с. 296]. Также в статье «Музыка и революция» (1926) говорится о новых музыкантах бетховенского типа, которых должна породить победа Великой октябрьской революции.

Там же Луначарский в своих высказываниях пошел еще дальше. Он считал, что революция созвучна музыке и именно музыке симфонической. Так, например, он пишет о том, что революция «есть фактически постановка острейшей проблемы социального бытия на разрешение в самом бурном темпе, путем напряженнейшей борьбы. В этом ее непревосходимая музыкальность» [3, с. 16].

«Каждой революции предвозносится тот счастливый мир, за который она борется. Каждая революция с величайшей напряженностью внутренне переживает зло, против которого поднялись ее бушующие волны. Каждая революция испытывает перипетии борьбы всеми фибрами ее участников. Каждая революция на восходящей своей линии полна надеждами на победу. Каждая революция есть грандиозная симфония» – вот таким выводом заканчивается одна из его статей [3, с. 16].

Нам трудно полностью согласиться с этим сближением симфонизма и революции, если только это не является формой образного панегирика и востор-

женной хвалы творчеству Бетховена. С такой точки зрения нам будут близки любые хвалебные высказывания. Скорее всего, понятия революционности и симфонизма сближаются только в метафорическом плане. Если обратиться к справочникам и учебникам, то становится ясно, какой смысл вкладывается современным музыковедением в термин «симфония».

Симфония – это в строгом переводе с греческого гармония звуков.

Революция (от позднелат. *revolutio* – поворот, переворот, превращение, обращение) – есть радикальное, коренное, глубокое, качественное изменение, скачок в развитии общества, сопряженное с открытым разрывом с предыдущим состоянием.

Исходя из определений видно, что эти два понятия не имеют ничего общего, революция – это своего рода взрыв, столкновение двух противоположных сил, которые никогда не придут к общему, а симфония – постепенное развитие с синтезом и гармоничным итогом. По крайней мере, в эпоху добетховенского симфонизма. У Бетховена конфликтные образы, сталкиваясь, приводят к трансформации, перерождению, вписываясь в четырехчастную гармоничную композицию. Поэтому нас и поражает творчество Бетховена, который потрясённый французской революцией 1789 года, «смог окунуться в самую глубину музыкальной стихии, которая, выражаясь на языке чисто-музыкальном - постановка проблемы величайших нарушений музыкальных равновесий и сложнейшего сведения их к гармоничному разрешению» [3, с. 16].

Не соглашаясь в научности сближений таких понятий как симфонизм Бетховена и революционность, нельзя не признать прозорливость А. Луначарского в оценке значения творческого наследия Бетховена для русского человека начала XX века, человека, пережившего и сотворившего в это время Революцию.

Список литературы:

1. Конен В.Д. История зарубежной музыки, выпуск третий: учебник для консерваторий. М., 1984.
2. Из истории советской бетховенианы. М., 1972.

3. Луначарский А.В. Музыка и революция // Из истории советской бетховенианы. М., 1972.

Сведения об авторе:

Комарова Елена Эрнстовна – канд. искусствоведения, доцент кафедры инструментального исполнительства и музыкознания ФГБОУ ВО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», e-mail: komarova_elena63@mail.ru

Чмырева Дарья Николаевна – бакалавр 2-го года обучения факультета культуры и искусств ФГБОУ ВО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», e-mail: dashuta.chmyreva@mail.ru